

Марлена СТЕЦЕНКО

У нас было «счастлиное детство»

Это письмо-рассказ-воспоминание передала в редакцию член Всемирного клуба одесситов Валентина Бронз. Это о ее семье написала ее двоюродная сестра.

Милая моя, родная! Я пишу тебе эти письма, зная, что никогда они не будут прочтены тобой. Это обращение к тени, к твоей невинной душе. Мне кажется, что какая-то ниточка нас связывает в этот момент, я говорю с тобой, родная, делюсь с тобой, вспоминаю...

Почему я начала писать? Я видела тебя во сне сегодня, ты была такая юная, красивая, я так отчетливо разглядела во сне твои добрые глаза, светлые волосы, милую улыбку. Ты была такой, какой я запомнила тебя на всю жизнь, дорогая моя мама. Нас разлучили, когда мне было шесть лет, а брату моему Боречке — двенадцать.

Осень, ночь с 17 на 18 октября 1937 года. Звонок в дверь. Ты пошла открывать ее, так как папы дома не было, он находился в больнице в Москве. Вошли шесть человек. Помню, ты сидела в нашей гостиной напротив моей кровати, и я из спальни в открытую дверь видела твое лицо, бледное, прекрасное, встревоженное. До утра молодчики обыскивали нашу квартиру, рылись в ваших книгах, журналах. Как мне потом сказал папа, искали портреты уже репрессированных: Блюхера, Тухачевского, Якира. "Черный ворон" стоял под нашими окнами, ждал. Тебе, родная, не разрешили попрощаться с нами, с детьми, которых ты так любила! Помню, как ты просила разрешения поцеловать нас, но молодчики торопились, они и так потратили много времени, роюсь в папиных книгах по истории и в твоих — по литературе. Им нужно было успеть осиротить еще не одного ребенка, сделать несчастной еще не одну семью, а приближалось утро...

И вот, мамочка, наше счастливое детство закончилось. Остались мы с Боречкой вдвоем в холодной пустой квартире, двое сирот, брошенных детей. И никого не интересовало — что же будет с нами? Кто позаботится? Кто утешит?

Через некоторое время приехал папа, больной, после тяжелой операции, подавленный, убитый горем. Его уволили из школы как мужа врага народа. Через неделю после того, как арестовали тебя, мамочка, так же ночью был арестован Борин отец — Владимир Петрович. Через несколько дней "черный ворон" увез нашего соседа по коммунальной квартире — Борисова. Соседи в нашей квартире притихли, стали разговаривать шепотом, боялись подолгу беседовать между собой, всех охватил ужас.

***

Мамочка, милая, как нам стало тяжело жить! Боречку взяла к себе тетя Шура — сестра Владимира Петровича. Нас разлучили на всю жизнь. Остались мы вдвоем с папой. Осень и зима 37-го года в Одессе были холодными. Папа болел, болели его раны, болела душа. Он ведь любил тебя, а надежды на то, что ты к нам вернешься, не было. Никто тогда не возвращался. Огромная машина поглощала безжалостно всех подряд. Как-то за одну ночь арестовали в Одессе всех людей, имеющих фамилию Каплан. Ежедневно исчезали тысячи бессмысленных жертв.

Холод, голод, безнадежность, тоска охватили нас с папой. Частными уроками папа понемногу стал зарабатывать на жизнь, я ходила в детский садик, неухоженная, слабая. Когда папа ездил в Москву хлопотать о тебе, меня брали к себе родственники: твой брат Костя с женой Илечкой или твоя сестра Люба. Дядя Костя и тетя Илечка были студентами исторического факультета университета, комсомольцами. Дядя Костя вынужден был сообщить на комсомольском собрании о том, что репрессировали его сестру, после

чего они вдвоем никак не могли сдать сессию, их "срезали" на экзаменах. Муж твоей сестры Любы, кадровый военный, тоже доложил начальству о том, что тебя арестовали. Его уволили из армии. Арестовали дядю Севу Левина — мужа твоей сестры Марии, и она с шестимесячным Марленом и восьмилетним Юрой приехали из Белоруссии в Одессу и тоже поселились у дяди Кости. В маленькой комнате в коммунальной квартире мы находились все вместе. Через некоторое время привезли Галочку — дочь дяди Кости от первого брака, ее маму тоже арестовали. Количество детей-сирот в нашей семье росло с каждым днем.

***

Мамочка! Помню, как я заболела гриппом, пришла к нам папина сестра Лиза, чтобы помочь нам: сварить еду, вытопить печь. И вот, возвратившись со двора, куда она ходила, чтобы вынести золу, она принесла твои фотографии. Кто-то из близких твоих друзей, живших в нашем дворе, выбросил их на помойку. Ведь ты была красавица, тобой все восхищались и любили тебя и, видимо, попросили подарить фотографии, а когда случилось с тобой несчастье, их выбросили, боясь, что из-за них можно пострадать. Бедные, несчастные, запуганные люди, жертвы страха, безысходности, рабства.

***

Утро, в квартире холодно, я лежу в холодной кровати, смотрю в окно. Два огромных тополя перед окном сплошь усеяны вороньем. Их крик наводит какой-то ужас. Папы нет, он, бедный, все хлопочет, Боречки нет, я одна, никого нет. На столе кусок хлеба, сахар, электроплитка и кружка, в которой я себе грею чай. Иногда заходит соседка тетя Франя, спросить, не нужно ли мне чего-либо. Она тоже боится заходить к нам. Ее муж — единственный оставшийся мужчина в нашей квартире. "Черный ворон" увез всех...

Периодически папа отводит меня к дяде Косте, чтобы тетя Илечка меня выкупала, покормила, пожалела. Эта чудесная женщина оставила в моей памяти самые теплые чувства. Ведь дети очень чувствительны, особенно сироты. Она искренне меня жалела, я любила бывать в их доме, где нашли себе приют еще четверо таких же сирот.

В нашем детском садике висит огромный портрет: наш дорогой и любимый отец и учитель, которого ежедневно надо благодарить за наше счастливое детство, — Сталин держит на руках румяную красивую девочку, то ли узбечку, то ли казашку. Девочка улыбается, она счастлива, я смотрю на эту девочку каждый день и завидую ей.

За всеми детками в садик приходят близкие, за мной приходит Аллочка, дочь твоей, мамочка, старшей сестры Анастасии. Аллочка учится в 8-м классе, ей поручено отводить меня домой.

Каждое лето наш детский садик переезжает на дачу. Это прекрасное время, я с теплым чувством вспоминаю его. Нас купают в море, мажут лиманской грязью нос и железы на шее, чтобы мы поменьше болели, у нас добрые воспитательницы. Но никто не может заменить мне тебя, родная. По выходным дням дети стоят у забора, ждут своих мам. Я тоже стою с ними, жду, но я стала забывать это слово, отвыкать от него, так как время идет, а тебя нет. Иногда приезжает Боречка, навещает меня, иногда приезжает папа, измученный, печальный. Навещает меня тетя Илечка, привозит фрукты и еще что-то вкусное. Взрослые думают, что я не знаю, где ты, родная, а я все знаю и делаю вид, будто ве-

рю им, что ты в больнице и скоро выздоровеешь и вернешься к нам. Когда я бываю у дяди Кости и у тети Илечки, я вижу, как дядя Костя, ложась спать, в манжет рубашки прячет фотографии тети Или и своих девочек — Галочки и Светочки. Это он делает ежедневно, так как знает, что когда придет "черный ворон", он уже не сможет спрятать фотографии своих любимых людей.

***

Закончилось, мамочка, лето. Дома опять холодно, неуютно, одиноко. Папа по несколько суток стоит в очередях, чтобы передать тебе чистое белье и еду. Очереди огромные, отлучиться, чтобы поесть или пойти в туалет, нельзя, так как в толпе не признают. Люди озлоблены, измучены, нервы их не выдерживают напряжения, страха, ужаса. Папа стоит

Вера

с Боречкой вместе, по очереди отлучаются. Когда удается передать все, они приходят чаще всего к дяде Косте, так как я в это время нахожусь там, и подолгу рассказывают о том, как тяжело было выстоять 3-4 дня и ночи, как они пострадали. Помню, как однажды, после того как папа несколько суток зимой стоял в такой очереди, он с трудом добрался до квартиры дяди Кости, и в тот момент, когда ему открыли дверь, упал в обморок. Папу втащили в комнату, уложили в постель, укрыли, в ноги положили грелки, еле привели в чувство. За что все это, мамочка?

***

Папу вызывают на допросы, мучают, издеваются, спрашивают, была ли ты красивой, так как тебе придумали обвинение "сожительница японского консула". Они не могут позволить себе культурно выразиться, назвать тебя любовницей. Называют унижительно сожительницей. Видимо, их фантазии иссякли, при-

думать что-либо более серьезное, например, "японская или английская шпионка", они не решились, так как чересчур много было уже тогда "японских и английских шпионов", а молодой красивой женщине почему бы не быть "сожительницей" японского консула, тем более что мы жили совсем близко от консульства.

***

Милая! Опишу тебе все, что мне известно о Боречкином отце. До нас дошли слухи, что Владимир Петрович не выдержал издевательств и избиений на допросах и через год умер в одесской тюрьме. В чем его обвиняли, что придумали для него, мы так и не знаем. Иногда я слышала, как папа говорил о нем с родственниками тихо-тихо, так как стены тоже уши имеют (любимое выражение несчастных советских людей).

мочка, стояла у окна, я тебя, родная, не узнала. Что они с тобой сделали!!! Я увидела перед собой не молодую красивую белокурую маму. Передо мной стояла старая худая, изможденная женщина, пряди седых волос опускались на твои плечи. Только когда ты протянула ко мне руки, заплакала и тихо сказала: "Марленочка", — я узнала тебя. Мы обнимались, целовались, ты посадила меня на колени, что-то спрашивала меня, я отвечала, папа стоял рядом бледный, ему не предложили сесть. Он молчал, ждал, пока ты нарадуешься встрече со мной. Помню, ты спросила папу, где Боречка, как его здоровье, спросила о своих близких: сестрах, братьях. И вдруг задала вопрос: "Как Сева?" — муж тети Марии, отец Марлена и Юры, член ЦК Белоруссии. Папа опустил глаза вниз и ничего не сказал. Ты поняла, что он тоже арестован. Милая, ты и твоя сестра были большими патриотками, вы назвали своих детей именами, производными от "Маркс, Ленин". И вот двое сирот, Марлен и Марлена, маленькие, жалкие, несчастные дети, дети врагов народа. Всю жизнь мы носим эти имена, напоминающие о честности, патриотизме, любви к Родине наших дорогих заблуждавшихся родителей, таких же, как и миллионы других безжалостно уничтоженных, безвременно ушедших, ни в чем не виновных жертв.

Свидание длилось 15 минут. Ты, мамочка, плакала, прижимала меня к себе, не отпускала. Рыжий все строже и строже напоминал нам, что свидание закончено. Наконец мы расстались, расстались навсегда.

***

Мамочка! Помню, как однажды после нескольких мучительных суток стояния в очереди на передачу папа принес твое белье для стирки. Среди вещей тетя Илечка обнаружила носовой платочек, подрубленный твоей рукой несколько раз. Когда его распорол, прочли написанное химическим карандашом: "Я ни в чем не виновата, меня путают с какой-то другой женщиной. Обращайтесь в Москву, добивайтесь правды".

Бедная, ты не могла поверить в то, что тебе навязывают выдуманную любовную историю с японским консулом. Ты верила в то, что правда восторжествует. Ты не знала о том, что папа делал все возможное, чтобы спасти тебя: добивался приема у Ежова, писал во все инстанции о твоей невинности, порядочности, честности, но все это было совершенно бесполезно, безрезультатно.

И вот однажды передачу не приняли. Папа пришел домой очень расстроенный и сказал нашим родственникам: "Моей Веры нет, видимо, ее отправили на Колыму. До меня дошли слухи о том, что большую партию заключенных отправили на Колыму".

Ох, как тяжело стало жить! Надежды на твое, мамочка, возвращение таяли с каждым днем.

***

Прошел еще год. Я стала ходить в школу. Научилась сама себя обслуживать. Папа с моей помощью готовил еду на электрической плитке. Варили мы с ним макароны, картошку, кипятили чай. Три долгих года мы маялись вдвоем, тяжело было, ох, как тяжело! Вестей от тебя не было, папа ездил в Москву, все хлопотал о тебе и, наконец, мы получили сообщение о том, что ты, родная, осуждена на 10 лет без права переписки.** Десять лет!

** А фактически мою маму расстреляли 19 марта 1939 года в Одессе, где она была тройкой приговорена к расстрелу.

В 1957 году моя мама — Кудрицкая (Святенко) Вера Тимофеевна была реабилитирована посмертно за неимением доказательств преступления.

* Кудрицкий Владимир Петрович реабилитирован посмертно в 1957 году за неимением доказательств преступления.

Семейный портрет

Мамочка, милая, родная! Три года, ужасных, голодных, холодных, три года мы прожили вдвоем: больной, без руки отец и я, маленькая девочка с таким "прекрасным" именем — Марлена.

Однажды папа познакомил меня с женщиной, которую знал давно, сказал, что она добрая, хорошая, что она будет меня любить, украсит нашу жизнь. Ее мужа тоже арестовали в 1937 году. Папа мне рассказал позже, когда я повзрослела, что человек он был очень честный, коммунист, преданный партии, по специальности инженер-строитель. Здоровье у него было слабое, он страдал туберкулезом легких. В 1937 году от одного человека, который находился с ним в тюрьме в одной камере и чудом оказался на свободе, стало известно, что муж моей мачехи после очередного допроса умер, так как его очень избили. Ночью началось легочное кровотечение и к утру он скончался.*

Итак, мамочка, началась новая жизнь. В доме потеплело, стало чисто, уютно, запахло едой. Нам с папой стало легче жить, но на душе было тяжело. Я думала постоянно о том, как же будет, когда ты вернешься? Я не теряла надежду на твое возвращение. Папу я ни о чем не спрашивала, мы избегали разговоров о тебе, так как мы оба понимали, что положение наше безвыходное, нужно было как-то приспособиться, чтоб выжить.

Евдокия Степановна оказалась женщиной с крутым характером, черствой, по отношению ко мне совершенно безразличной. Чем я становилась старше, тем больше я это чувствовала. Слез мною было пролито много, мне очень тяжело было жить с ней. Ее плохое отношение ко мне было связано с тем, что папа не любил ее. Он не мог забыть тебя, а эта женщина, видимо, не могла забыть своего мужа. И вот, сошлись двое людей с искалеченной судьбой, совершенно разные по характеру, по интеллекту. Единственное, что их объединяло, это общее горе, потеря любимого человека. Какие в таком случае могут быть чувства друг к другу?

Началась война. Папу на фронт из-за руки не взяли. Всю войну мы жили в оккупированной Одессе. Боречка с тетей Шурой тоже находи-

* Дымченко Алексей Николаевич реабилитирован посмертно в 1957 году за неимением доказательств преступления.

лись в Одессе. После освобождения города Советской Армией его взяли на фронт, так как ему исполнилось 18 лет. В 1946 году Боречка приехал из Германии, где он после окончания войны еще год служил в армии. И вот мы с ним начали писать запросы о тебе Генеральному прокурору. Ответ приходил один и тот же: "Осуждена на 10 лет без права переписки". Я часами выстаивала под кабинетами в КГБ, все ждала, что мне скажут, так как не всегда ответы приходили по почте, чаще для сообщений вызывали. Повторялось одно и то же. На меня смотрели пустые, холодные, жестокие глаза, я слышала один и тот же ответ: "Осуждена на 10 лет без права переписки". И только в 1957 году мы узнали правду. Папа привез из Москвы справки о твоей, мамочка, реабилитации. Нам с Боречкой за наше искалеченное детство выдали по 600 рублей — два твоих последних оклада. Как трогательно, не правда ли?

Родная моя! Я опишу тебе все, что знаю о твоём брате Володе. Его тоже арестовали в 1937 году в Донецке, где он жил и работал, где жила его семья — жена и двое детей, Виля и Леночка. Во время этапа ему удалось сбежать, что крайне редко бывало в те жуткие времена. Дядя

Володя был человеком смелым, отважным, сильным физически и духовно. Без паспорта, без единого документа он скитался, как бродяга, по деревням Сибири, зарабатывая на жизнь разными способами: чинил крыши в домах, строил заборы. Так как он был мастером на все руки, ему удавалось заработать нужное количество денег, чтоб себя прокормить. Когда началась война, дядя Володя как честный, глубоко порядочный человек явился в военкомат какой-то сибирской деревни и предостерегал бродягой без роду и племени, но, как все советские люди, желающим идти на фронт защищать отечество. Его взяли на фронт, вначале в штрафной батальон, позже он отличился в боях, и отношение к нему изменилось. Всю войну дядя Володя находился на передовой, много раз был ранен, получил большое количество орденов и медалей. Его сын Виля погиб на фронте. После окончания войны дядя Володя вернулся в Донецк к своей семье, считая, что его не будут преследовать. Но он глубоко ошибся. О нем не забыли. Через очень короткий срок его вызвали в КГБ, откуда он не вернулся. Восемь лет дядя Володя отбывал срок в лагерях на дальнем Севере. Благодаря очень хорошему здоровью, закалке он выжил. Позже его реабилитировали. Прожил дядя Володя долгую жизнь, умер в возрасте 83-х лет.

Здравствуйте, мои дорогие Славик и Любочка! Я в своих воспоминаниях в основном описала свое тяжелое детство, все, связанное с репрессиями. Хочу дополнить все, что знаю о наших дорогих близких, о которых мне рассказывали тетя Наца и тетя Маруся.

Дядя Федя (по-моему, он был старшим братом) был петлюровцами взят в их ополчение, когда ими был взят Бобринец. Ему тогда было 18 лет. Помню фотографию, которую прятала Лида (Колина мама), там сфотографирован Федя с несколькими ребятами, и кто-то из них в руках держал знамя, где были слова: "За самостійну Україну". Федя был расстрелян красноармейцами в деревне под Бобрином. Бабушке сказали об этом. Она его привезла, но удалось похоронить его только через три дня. Тело находилось в часовне и из-за перестрелок его нельзя было предать земле. Весь Бобринец хоронил его, невероятное количество людей пришли, чтобы с ним попрощаться.

Напишу все, что мне известно о тете Лене. Муж ее, Терентий (его в семье называли Теник) был офицером в белой армии, потом перешел в Красную Армию. Воевал с басмачами. Тетя Лена была арестована белыми, когда они захватили Краснодар, и брошена в холодный подвал. Там она родила мальчика, конечно, мертвого, и когда красные освободили пленных, от простуды она еле спаслась, очень тяжело болела, простудила почки. У нее потом родился сын — Марат, которого я знала. Он приезжал в Одессу летом 49-го или 50-го года. Марат был очень красивый, но прихрамывал на одну ногу из-за перенесенного в детстве заболевания. Где-то в середине пятидесятых годов Марат женился и прислал тете Марусе фотографию, на которой он снят с женой. Больше ничего от него никогда не было. Тетя Лена умерла в 55-м году. О судьбе Марата ни-

чего не знаю. У меня сохранилась его детская фотография.

Первая жена дяди Кости — Клава — была в 37-м арестована. Дядя Косте сообщили об этом, и Лида Марченко (она тогда была женой Фимы Миропольского) поехала, не помню, в какой город, и привезла Галочку. К счастью, Клава через год-два вернулась, ее освободили, и дядя Костя Галочку отвез к ней. Пока она была в заключении, мы с Галочкой жили у тети Или и Кости. Она постоянно, а я тогда, когда папа ездил хлопотать о маме и когда нужна была помощь (я очень часто болела).

Что касается вообще семьи Святенко, знаю, что семья была состоятельная. Все дети учились в гимназии. У дедушки Тимофея был собственный дом большой, была прислуга, был магазин. Он умер от холеры, а бабушка уже после смерти Швеца сбежала в Одессу, т. к. арестовывали и выслали в Сибирь людей, которые имели собственные дома и т. д.

У меня есть фотографии дедушки Тимофея и бабушки Анны. Она была очень красивой, чистой, кровной полячкой, намного младше дедушки. Она была его второй женой, женился он на ней в 36 лет, а ей было — 16.

Знаю, что с первой женой у дедушки была дочь Настенька, но о ней ничего не известно. Если ты помнишь, Славик, тетя Люба и дядя Миша как-то поехали в Бобринец. Тетя Люба рассказывала о том, что в доме дедушкином какая-то "масло-контора", они побывали в доме до начала работы, и что их удивило, на доме вывеска, где написано, что в этом доме жил писатель "Карпенко-Карый". Тетя Люба с дядей Мишей побывали в церкви, где крестили всех детей Святенко, ее и Колю, а также тетя Люба встретила подружку детства, и вечером побывали они в гостях у нее.

На кладбище могилы Швеца и дедушки Святен-

Родная моя! Твой любимый младший брат Александр (мы его звали дядя Шура) погиб во время войны в немецком плену под Киевом в чине полковника Советской Армии. Нашлись очевидцы, которые рассказали о том, что немцы его страшно пытали. Фашисты выжгли на его спине звезду, издевались над ним. Дядя Шура умер в страшных муках. Этот замечательный человек избежал пыток и страданий в советских тюрьмах. Как получилось, что его не коснулись аресты брата и сестры в нашей семье — загадка. Просто это, видимо, был промах со стороны наших бдительных благодетелей, и дядя Шура остался кадровым военным, продолжая нести военную службу в Киеве. Добрый, честный прекрасный человек — отец, брат, наш любимый дядя погиб жуткой смертью в застенках фашистского лагеря.

Мамочка! И еще одна очень печальная история кашей семьи, о которой я часто вспоминаю с мучительной болью — это история семьи твоей младшей сестры Марии и ее мужа — Левина Евсея Яковлевича, коммуниста, члена ЦК Компартии Белоруссии. Ему было всего 36 лет. Над ним издевались в Бутырской тюрьме в Москве. После истязаний, избиений, страшных ночных допросов, которые длились месяцы, его отправили на Колыму. Но мы об этом не знали. Тетя Мария добивалась правды, писала во все инстанции, но ей тоже отвечали одно и то же: "Осужден на 10 лет без права переписки". У них, видимо, были заготовлены шаблонные ответы для миллионов таких людей, как мы. И вот однажды, когда я училась в восьмом классе, это было в 1948 году, к нам в гости пришел старый друг отца — Козачков Роман Моисеевич. Инженер-строитель, Роман Моисеевич работал в Киеве по специальности, в 1937 году был арестован, обвинен во вредительстве, осужден на 10 лет и отправлен на Колыму. Он отбыл срок полностью и, как он рассказывал нам, остался жив только благодаря тому, что из-за болезни рук (Роман Моисеевич в детстве перенес полиомиелит, и у него были деформированные, больные, слабые руки) не мог тяжело работать. Его направляли на относительно легкую работу, что дало ему возможность выжить. И вот, рассматривая альбом с нашими семейными фотографиями, Роман Моисеевич вдруг воскликнул: "Это же Сева Левин, мы были с ним в одном из лагерей на Колыме!". Номера лагеря, где они были вместе, Роман Моисеевич

не помнил, так как в одном лагере подолгу заключенных не держали, а пересылали в другие лагеря. Я тут же написала об этом тете Марии. Она обратилась в ГУЛАГ, и после неоднократных обращений и запросов прибыл положительный ответ о том, что Евсей Яковлевич Левин жив, находится в таком-то лагере на Колыме. Тетя Мария написала ему письмо, послала фотографии сыновей — Марлена и Юры, но ответ получила она не от мужа. Прислали официальную бумагу, где сообщалось о том, что это просто совпадение имени, отчества и фамилии, что это другой человек. Так ли это? Где правда? Ничего не известно.*

Несчастные люди! Сколько стрессов, страданий пришлось перенести! Сколько искалеченных судеб!

О судьбе Николая Сергеевича, мужа твоей, мамочка, старшей сестры Анастасии, никто ничего не знает. Тетя Анастасия умерла в 1955 году. Сердце этой относительно еще молодой замечательной женщины, прекрасного преподавателя, не выдержало всех испытаний, выпавших на ее долю в связи с арестом мужа. Три ее дочери прожили в страхе свою жизнь, скрывая от всех, даже от собственных мужей, что их отец был репрессирован в 1937 году. Одна из них в память об отце назвала своего сына Николаем, и только тогда, когда он стал взрослым, ему рассказали о трагической судьбе его дедушки.

Мамочка! Это отрывки из воспоминаний о моем детстве. Это воспоминания о тебе, родная, о дорогих, любимых мною людях, мучениках, безвременно ушедших из жизни. О нас, детях, которых жизнь заставляла лгать, скрывать правду о судьбах наших родителей до тех пор, пока нам не вручили справки о том, что они ни в чем не виновны. Всю жизнь нам внушали, что наша страна самая гуманная в мире, что мы самые счастливые дети в мире. Нас учили петь патриотические песни. В школе, едва научившись правильно писать, мы писали сочинения на патриотические темы. Помню тему одного из них: "Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек". Нас, измученных, истрадавших сирот, заставляли любить эту страну — страну противоречивую, трудную, где бедный народ перенес столько страданий.

** Левин Евсей Яковлевич реабилитирован посмертно в 1957 году за неимением доказательств преступления.

ко не сохранились, т. к. расширили дорогу и снесли часть кладбища. Федину могилу они не нашли. Вот все, что я помню. Если что-то еще вспомню, напишу вам.

До свидания. Целую.

Марлена

P. S. Только что поговорила с тобой, и отвечу на твои, Славочка, вопросы:

1. Дядя Коля и т. Илья закончили ист. фак. Одесского университета. Мой отец учился вместе с ними, и с ними закончил. Дядя Костя до войны работал председателем Ильичевского райисполкома в г. Одессе.

После войны я жила и училась в Львове, вернулась в 50 году. Тогда он работал директором зоопарка. Последнее место его работы — директор школы, а тетя Иля преподавала историю в этой школе. Какое-то время дядя Костя работал директором винодельческого совхоза, это было в 60-е годы, и они жили в сельской местности, только Валя под присмотром Лёки жила в Одессе.

2. Тетя Наца (Анастасия Тимофеевна) была учительницей русского языка и литературы. Она была очень строгой и с тяжелым характером. Мужа ее расстреляли в 32 году.

3. Дядя Володя был человеком очень интересным, с авантюристическим складом ума. Воевал в армии Чапаева, последние годы, по-моему, работал юристом. Толик жив, он больше знает об отце, чем я.

4. Мама моя была учительницей русского языка и литературы. В последние годы преподавала на заочном отделении Одесского университета.

5. Дядя Шура был кадровым военным. У него есть дочь Майя, которая живет в Киеве. Она на 2-3 года старше меня. Я с ней не дружила, видела ее один раз в Одессе в 50-м году. Знаю, что у Майи был сын Шурик (назван в честь деда).